

Худенко Андрій Володимирович

*професор кафедри соціології,
доктор філософських наук,
Одеський національний університет ім. І.І. Мечникова,
м. Одеса*

ТОЧКА ЗРЕНИЯ И МЕТОД

Мы всегда принимаем решение под давлением. И настолько, насколько мы способны выдержать и реактивировать это давление, определяется мера нашей свободы.

Могу сказать, что решение принять участие в конференции, было сделано, некоторым образом, под давлением.

Дело в том, что, к сожалению, у меня есть печальный опыт участия в конференции, заявленная тема которой лежала вне поля моих исследований. Тематика моих размышлений - онтология и теория познания, методология и логика научных исследований. И, поверьте, не очень уютно себя чувствуешь, когда говоришь не о том, что ожидают услышать.

Однако в этот раз именно неуютность заставила меня прийти. Неуютность от того, что каждый день приходится сталкиваться с множеством и многообразием точек зрения, содержимое и содержание которых с каждым днем становится все менее понятным.

В древнегреческом языке есть такое слово πολλοί. Наш словарь немного не правильно передает его значение. Это слово во всей греческой мысли от Гераклита до неоплатоников означала не людей на рынке и улице, но, так называемое, образованное сообщество: тех, которые отличались наличием персональной точки зрения. Мы бы сегодня назвали таковых «плюралистами». Кстати, греческое слово ἰδιώτης означает того несведущего, который входит в группу «плюралистов».

Пушкин, например, реагирует на этих «плюралистов» так: «Зачем так звучно он поет, // Напрасно ухо поражая, // К какой он цели нас ведет?». И сказу же отвечает: «Молчи, бессмысленный народ». Народ здесь – это не люди на улицах и площадях; это – *образованный свет*.

Т.е. «многие», πολλοί – это люди точки зрения, идиоты. И вот мы читаем у Гераклита: «Большинство людей [οἱ πολλοί] не воспринимают вещи такими, какими встречают их и, узнав, не понимают, но грезят» [19 DK]. Гераклит называл такое *точкозренчество* – падучей болезнью и тем, что не приводит к успеху [46 DK]. Таким образом *точкозренчество* не продуктивно, бесперспективно, бесполезно.

Перед вторым туром французских выборов Режис Дебре (*Régis Debray*), французский социолог и автор знаменитой «Медиалогии», дал небольшое интервью газете *Le Monde*. Речь шла, естественно, о борьбе Макрона и Лё Пен. Дебре начал разговор со слов Поля Валери: лживым является то, что не годно

для использования. И далее он повел речь об абстрактном содержании политических программ и лозунгов обеих кандидатов. Эти абстракты, рожденные кем-то и когда-то, хотя и являются яркими, но не имеют никакого отношения к повседневной жизни людей, к тому, что они встречают в своем каждодневном опыте.

Грезы современного образованного света мне напомнили ситуацию из фильма «Берегись автомобиля!» Помните, герой А. Миронова рассказывает о каких-то неисправностях в своей машине. Автослесарь (его играет В. Невинный) радушно соглашается посмотреть, послушать, понюхать, потрогать и просит показать автомобиль. А машины нет! Но как ярко ее представляли!

В этой же связи можно вспомнить знаменитую фразу из горьковского *Клима Самгина*: «А был ли мальчик?»

Вот и сегодня, слыша разговоры о «свободе», «демократии», «патриотизме», «европейских ценностях» и «безвизе» невольно задаешься вопросом: «А есть ли мальчик?» То есть, каков он этот **ряд бесконечно-малых и каждодневно совершаемых действий**, которые в своей собранности воедино титулуются как, например, «свобода». Или «свобода» всего лишь *flatus vocis*: кем-то, когда-то выведенный абстракт, который используется как звуковое прикрытие рабства и порабощения. В этой связи задаешься и таким вопросом: А был ли Эрнст Лиссауэр, автор «Гимна ненависти к Англии», патриотом Германии?

Эти вопросы, а лучше – давление неуютности, которую чувствуешь в атмосфере *плюральности*, и беспокойство по поводу засилья *точкозренчества* и привело меня на встречу с коллегами.

Я бы хотел поговорить о природе Точки зрения. Именно о природе. Боюсь, что ее рассмотрение в контексте частных гуманитарных дисциплин оставит нас в сфере суждений вкуса, как сказал бы П. Бурдьё. В то же время рассуждение в контексте «бытийно-исторического мышления» М. Хайдеггера, «эмпирической онтологии» Ж. Делеза, онтодиалогии В. Библера и А. Ахутина, позволит расширить горизонт видения и разглядеть перипетии генезиса Точки зрения.

Для начала несколько положений, которые считаются привычными, но которые, с моей точки зрения, должны быть оспорены.

Мы привыкли к тому, что многообразие точек зрения – это выражение свободы. Совсем нет. Свободное действие ортогонально инерционной плюральности. В этой связи можно сказать, что Точка зрения, как эпифеномен свободы, ортогональна многообразию. Она, скорее, занимает место сдвига и есть то, что сдвигает – нарушает, разрушает инерцию плюральности.

И еще об одной привычке. Мы привыкли к тому, что акт сдвига, или сдвиг как акт, мотивирован сознательной установкой. Я не сторонник такого романтического понимания, например, свободы, добра или патриотизма. Такое романтическое мировосприятие заставляет искать героев, или гениев, и мифологизировать их, т.е. как бы рассказывать о своей жизни чужими словами: словами, которые произведены кем-то, когда-то, но не по ходу собственного

существования, т.е. не имманентны **ряду бесконечно-малых и каждодневно совершаемых действий**. Вероятно, этот романтизм есть следствие представления о человеке как существе, который якобы априори обладает сущностью открывать сущности. По словам Р. Рорти, американского философа, это, скорее, воображаемый персонаж, фантазия поэтов (или поэтизирующего *образованного света*), которых Платон, как известно, призывал изгнать из полиса.

Акт сдвига – не сознательная установка, но порой и чаще всего совершенно неосознаваемый **способ** – ряд бесконечно малых действий, по ходу которых идет и происходит совладание с материалом, поставляемым Миром.

Дело в том, что мы живем в подвижной, постоянно сдвигаемой среде, которая и заставляет следовать по своей криволинейной траектории. Именно заставляет!

Прав Спиноза: «Мы сами, - пишет он в трактате “О Боге, человеке и его счастье”, - никогда не утверждаем и не отрицаем ничего о вещи, но сама вещь утверждает или отрицает в нас нечто о себе» [ST, 2/16, 5; т. I, с. 139]. Слова великого голландца нельзя интерпретировать так, что человеческое существо является исключительно страдающим созданием. Человек есть таким, как претерпевает воздействие и реактивирует его – противодействует. Т.е. человек имеет место в интервале воздействия-противодействия.

Все находит себя в интервале: существует в различии, порождающем новые различия [см. Платон. Софист, 247e]. Таков способ существования Мира: он есть как – именно **есть-как** – бесконечность бесконечно-малых сдвигов, которые находят свое выражение по-разному и разными способами.

В этом плане, если мы говорим о свободе, то свободен тот, кто захвачен бесконечной вибрацией Мира, хватается за него и схватывает как вибрирующий. Свободен тот, чей горизонт видения максимально широк, кто смотрит на Мир широко открытыми глазами.

Н. Солженицина в одном из интервью очень хорошо сказала о патриотизме: «Патриотизм должен быть зрячим». Т.е. именно широта видения, но не ограничения и лишения, мотивирует любовь к Родине.

Что такое в этой связи Точка зрения?

Это – один из способов самовыражения Мира, который разглашается **Определением**.

Не думаю, что у кого-то вызывает возражение то, что Точка зрения – это **Определение**. А вот дальше, т.е. каково оно это **Определение**, начинаются расхождения.

Дело в том, что **Определение** должно включать в себя и содержимое вещи, т.е. бесконечный ряд бесконечно-малых сдвигов, и быть ее содержанием. Артикуляция либо содержимого, либо содержания явления или вещи – это **Определение** как детерминация, т.е. результат ограничения, лишения, отрицания. При этом совершенно не важно, каков характер этих ограничений. Либо проводится операция по реализации сущности, и Мир оказывается населенным абстрактными универсалиями, содержимое которых сокрыто; либо ведется калькуляция многообразных форм существующего, о содержании

которого можно только догадываться. В данном случае можно говорить либо об эссенциализме, либо об экзистенциализме, о философии сущительного, либо философии глагола, дедуктивной логике реализации сущности, либо идеографической наррации. Понимая ограниченность таких подходов, некоторое время назад активно реализовывалась стратегия их взаимодополнительности, или синергетическая стратегия.

Однако есть принципиально иное решение проблемы Определения. Например, в своем «Трактате об очищении интеллекта» Спиноза пишет не столько о детерминации, сколько о дефиниции. Это Определение как пребывание в пределе. Поиск дефиниции – не стратегия ограничения, но путь, который длится как собирание: слипания, сгущения, уплотнения – как последовательность этапов собирания.

Не вдаваясь в тонкости и подробности генезиса дефиниции, скажем, что ход ее поиска принципиально темпорален: есть как последовательная дифференциация процесса совладания с материалом, который поставляет Мир. Я говорю о *последовательной дифференциации* и имею в виду не артикуляцию точки и следующей за ней точки, но интервалов, последовательность которых открывает перспективу. Продуктивность дефиниции состоит в открытии перспективы: генерации различий и предоставляемых возможностях продолжения хода следования.

То, о чем я говорю, уже как-то представлено в современной науке.

С одной стороны, об этом говорят физики: Р. Пенроуз и его твисторная теория, Ю. Владимиров и его бинарная геометрофизика. С другой стороны – философы: Э. Морен, А. Аршинов, Я. Свирский – те, кто работает по артикуляции «парадигмы сложности» или, в англоязычной литературе, «теории комплексности».

Почему я назвал философов и физиков. Дело в том, что сегодня стирается грань между «науками о природе» и «науками о духе», естественнонаучным и гуманитарным знаниями. Сегодня речь идет о многомерности знания, знании как *сложностном* состоянии.

В рамках этой стратегии (ее можно назвать «диалоговой», «бинарной», «сложностной»), чрезвычайно большое значение приобретает строгость пути следования – метод. Дело в том, что дефиниция – это сложное комбинаторно-дискурсивное образование, в котором значение имеют связи, переходы, комбинации. Говоря языком Платона, вещь есть так, как она плетется и выплетается [см. Политик]; а сегодня мы бы сказали так: вещь определяется контекстом (это латинское слово, которое означает «вязь», «связывание»).

В этом пути собирания воедино интервалов процесса совладания с материалом, или (если воспользоваться определением *сложностности* А. Аршинова) *темпоральном эпистемологическом процессе*, Точка зрения – это концепт или предел собранности воедино пути следования. Собственно, Точка зрения – не Что, не констатация факта, но выражение того, Как идет и происходит собирание.

Таким образом, Точка зрения – это метод, который находит свое выражение в концепте.

Моя цель состояла не в том, чтобы обратить вас в свою веру и заставить говорить о методе как темпоральном эпистемологическом процесс, в котором Точка зрения имеет место. Я лишь хотел обратить внимание на значимость метода как пути собирания, в котором Точка зрения только и может иметь законное место. Т.е. обратить внимание на то, **как** ведется исследование, чтобы разглашенные его результаты получили статус Точки зрения.

Конечно, методологическая строгость – правило научного исследования. Но нужно также помнить, что потом результаты исследований попадают в политическую и журналистскую машину, где наши недочеты и ошибки превращаются в химер.

Якубовський Олексій Петрович

*завідувач кафедри філософських та соціально-політичних наук,
кандидат історичних наук, професор,
Одеський регіональний інститут державного управління
НАДУ при Президентіві України
м. Одеса*

ІЗ ІСТОРІЇ РОЗВИТКУ КУЛЬТУРИ ТА ОСВІТИ НА ПІВДНІ УКРАЇНИ

Цю актуальну тему для сьогодення ми розглядаємо на прикладі відношення до культури і освіти одного із управителів міста, тим більш, що досвід його є вкрай повчальним для керівників, зайнятих тепер у сфері публічного управління.

Такий підхід буде виправданий ще й тому, що історія Одеси та й Південного краю України в усі часи визначалась особистостями людей, які ними керували.

Без сумніву, самою видимою фігурою серед усіх таких керівників був герцог де Ришельє. При вступі герцога на посаду градоначальника Одеси місто мало дуже поганий вигляд. В місті, де мешкало 9 тисяч людей, не було ніяких установ для освіти, культурного відпочинку, в початковому стані знаходилась промисловість. Як писав історик Марк Алданов в нарисі про Ришельє: «Градоначальник был. Города не было». Тому дуже логічно, що герцог розпочав свою діяльність з покращення економічного стану, розвитку торгівлі, а також викоренення корупції.

Піклуючись про розвиток торгівлі та економічне процвітання міста, Ришельє в той же час, як справжній державний діяч, розумів, що без культури, освіти і духовності сучасного міста не побудувати, як і не забезпечити швидкий та ефективний розвиток краю в цілому. [1]

Тому зразу ж, по приїзду в Одесу (березень 1803 року), герцог звертається до імператора Олександра I з проханням про виділення великої